

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Научный совет исторических и краеведческих музеев Российской Федерации

**КУЛЬТУРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ
В МУЗЕЙНЫХ, НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ –
ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Сборник научных трудов

Омск
Издательский дом «Наука»
2016

УДК 008+37
ББК 71+74
К90

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Е. Ю. Смирнова* (ответственный редактор),
доктор исторических наук *Н. А. Томилов* (ответственный редактор),
доктор физико-математических наук *С. В. Белим*, доктор исторических наук *П. П. Вибе*,
кандидат культурологии *А. А. Кильдюшева*, кандидат исторических наук *М. А. Корусенко*,
кандидат исторических наук *С. Н. Корусенко*, кандидат исторических наук *Г. М. Патрушева*,
доктор исторических наук *В. Г. Рыженко*, *Л. И. Скрипкина*, кандидат исторических наук
Ю. В. Трофимов, доктор исторических наук *А. В. Якуб*, *Э. Р. Ахунова* (ответственный секретарь)

К90 **Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России** : сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2016. – 452 с.

ISBN 978-5-98806-227-1

В сборник научных трудов вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России» (Омск, сентябрь 2016 г.), охватывающей вопросы этнокультурного взаимодействия народов, роли интеллигенции в регулировании социально-культурных и этнических процессов, приумножения и использования культурного наследия в современном обществе, музейных процессов в России, музееведческих и краеведческих исследований, музеологического образования, музейной работы и музейного маркетинга, роли этнографического и экологического туризма в развитии регионов.

Сборник рассчитан на музееведов, культурологов, историков, археологов, этнографов, краеведов и всех тех, кто интересуется вопросами стабильного развития России, вопросами культуры, а также социокультурными и этническими процессами.

УДК 008+37
ББК 71+74

Сборник издан при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 16-01-14053 Всероссийская научно-практическая конференция «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России»

ISBN 978-5-98806-227-1

© Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, 2016
© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2016
© Оформление. ООО «Издательский дом «Наука»», 2016

<i>Полякова Е. А.</i> Адаптация Омского научно-педагогического музея к условиям изменённой социальной реальности 20–30-х годов XX века.	274
<i>Роганов К. В.</i> Культурологическое понимание музея. От теории к практике (на примере деятельности Стерлитамакского историко-краеведческого музея).....	278
<i>Рыженко В. Г.</i> Музеи в исследовательской модели «культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города»	280
<i>Сальникова И. В.</i> Электронный каталог. Плюсы и минусы.....	283
<i>Сеитов С. К.</i> Экомuzeи Западной Сибири и Казахстана как центры сохранения и возрождения этнокультурного наследия.....	286
<i>Семенова В. И.</i> Об объекте и предмете музеологии	288
<i>Скорыходов М. В.</i> Есенинские музеи на карте России	290
<i>Тельманова А. С.</i> Генезис школьного музея как социально-культурного института.....	293
<i>Тихонов В. В.</i> К вопросу выработки классификационного ряда музеев Российской Федерации.....	296
<i>Тишкин А. А., Гребенникова Т. Г.</i> Особенности подготовки кадров в области музеологии и охраны наследия в рамках магистерских программ	299
<i>Томилов Н. А.</i> Социальные функции историко-культурных ресурсов и научно-исследовательская деятельность музеев	302
<i>Шорина Д. Е.</i> Музейные фонды как ресурс проектной деятельности студентов-музеологов	306
<i>Щеглова Т. К.</i> Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века	308

МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА, ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Адамсон А. Р.</i> Библия Леандера ван Эсса в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея.....	313
<i>Андреева И. В.</i> «Основы советского музееведения» как форма утверждения классической парадигмы отечественной музеологии	315
<i>Ахунова Э. Р., Татауров С. Ф.</i> Промыслы сибирских татар в археологии, этнографии и музейных материалах	317
<i>Балиук Н. А.</i> Роль музеев в формировании туристской дестинации: к проблеме развития национального и международного туризма	320
<i>Белоглазова Ю. Н.</i> Краткий обзор музейных коллекций Омского государственного историко-краеведческого музея.....	322
<i>Боброва А. И., Тимофеева Л. А.</i> Под созвездием Большого Лося: тайны кулайского мироздания	325
<i>Вайнерман В. С.</i> Омский литературный музей имени Ф. М. Достоевского в современных системах культурологических коммуникаций	328
<i>Герасимов Ю. В.</i> Справочник-определитель археологической керамики Омского Прииртышья: бронзовый век.....	331
<i>Герасимов Ю. В., Корусенко М. А., Здор М. Ю.</i> Разработка археологической карты г. Омска и его окрестностей (XVIII – середина XX века).....	333
<i>Глушкова П. В.</i> Музеефикация как оптимальный способ сохранения недвижимых объектов культурного наследия в с. Красное Ленинск-Кузнецкого муниципального района Кемеровской области	336
<i>Глушкова П. В., Кимеева Т. И., Патрушева Г. М.</i> Традиционный женский костюм шорцев: реконструкция по материалам музейных коллекций	339
<i>Голодяев К. А.</i> Особенности продвижения бренда музея посредством горячих публикаций	342
<i>Давыдов В. Н., Сирина А. А.</i> Коллекции С. М. и Е. Н. Широкогоровых в Кунсткамере (Музей антропологии и этнографии Российской академии наук): проблемы исследования и публикации	345
<i>Давыдова А. А., Пликина Н. В., Ефремов А. Н.</i> Изменения во флоре г. Омска и его окрестностей за последние 100 лет.....	348

3. Божченко О. А. Создание новых музейных экспозиций по истории XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1. – С. 34–37.

4. Дремайлов А. Музейные цифровые ресурсы и продукты (коллективные размышления) // Ассоциация по документации и информационным технологиям в музеях. – URL: <http://www.adit.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

5. Зайцев Р. С. Внедрение инновационных технологий в музейную практику // Краеведческий альманах. – 2009. – № 4. – С. 9–16.

6. Ильбейкина М. И. Современные музейные практики: 2000–2012 гг. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 31–36.

7. Малянов Е. А. Социально-культурная инноватика как направление научных исследований // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2(21). – С. 96–99.

8. Соболева Е. С., Эпштейн М. З. Эволюция концепции музеев в меняющемся мире // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1(3). – С. 8–19.

9. Статистические данные по музейному делу в Алтайском крае / ФГБУ «ГИВЦ Минкультуры России». – URL: <http://mkrf.ru/ministerstvo/pasp> (дата обращения: 01.03.2016).

10. Сыченкова Л. А. О способах представления истории в музейных экспозициях // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 124–135.

11. Шляхтина Л. М. Современный музей: идеи и реалии // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2(4). – С. 14–19.

УДК 908+069.01

Т. К. Щеглова

КРАЕВЕДЕНИЕ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ – ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Автором рассматриваются зоны взаимодействия краеведения, музееведения и устной истории в России, показано влияние на их развитие государственной политики. Проанализировано использование методов опроса и вклад в формирование источниковой базы. Дается оценка их взаимоотношений с академической исторической наукой. На конкретных примерах выявляются направления сотрудничества в современной научной и просветительской практике. Прикладное значение устной истории для музееведения определяется широким использованием ее методов и источников для обновления форм работы, как в комплектовании музейных коллекций и экспозиционной работе, так и в экскурсионно-образовательной деятельности.

Ключевые слова: государственная политика, методы, источники, междисциплинарное взаимодействие

T. K. Shcheglova

REGIONAL STUDY, MUSEOLOGY AND ORAL HISTORY – SOURCES, METHODS AND FORMS OF INTERACTION IN NATIVE PRACTICES IN THE CONTEXT OF STATE POLICY IN XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The author considers the zones of interaction of regional study, museology and oral history in Russia, shows their influence on the development of state policy. The use of methods of interview and contribution to source base formation have been analyzed. The author evaluates their interaction with academic historical science. The concrete examples help to reveal the directions of cooperation in modern science and teaching practice. The applied significance of oral history for museology is determined by the wide use of its methods and sources for renovation of work forms in acquisition of museum collections and exposition work as well as in excursions and educational activities.

Keywords: state policy, methods, sources, interdisciplinary interaction.

© Щеглова Т. К., 2016

На протяжении всего XX в. существовали периоды взлета краеведческого движения и затухания. В комплексе причин его волнообразного движения одной из основных выступала политика государства. Краеведение во многом опиралось и опирается на «народную историю» («историю снизу»), обращаясь к рассказам «бывалых людей», оценки которых не всегда совпадают с «историей сверху» (официальной версией). Были периоды, когда государство не хотело слышать «историю снизу», а в отдельные годы запрещало говорить о тех или иных событиях. По этим причинам в проблемное поле краеведческих исследований в советское время не входили многие темы (раскулачивание, депортации и др.) Были периоды, когда краеведение востребовалось государством. В золотой век краеведения (1920-х гг.), завершившийся репрессиями многих краеведов, советское государство, желая проститься с «Россией уходящей» и сформировать новый образ России, призвало заняться летописанием революционного движения и пролетариата, истории фабрик и заводов и зафиксировать остатки патриархальной старины.

Отчасти идеологической мифологизацией объяснялся и подъем краеведческого движения в 1960–1970-е гг. Государство сформировало алгоритм краеведческого движения, приурочив его к юбилейным датам – юбилеям В. И. Ленина (повсеместное создание ленинских комнат), юбилеям Октябрьской революции и героике Гражданской войны, годовщинам и юбилеям дат, связанных с Великой Отечественной войной, победам социалистического строительства (комнаты боевой и трудовой славы). Краеведение, также как и все советское общество, вращалось вокруг этих тем по умолчанию других. Подобная практика идеологического мифологизирования является частью современных политехнологий большинства государств, в том числе и современной России.

На развитие устной истории как самостоятельной дисциплины, так же, как и на краеведение, влияют желание и способность государства и общества говорить вслух не только о достижениях, но и о проблемах исторического прошлого. Связано это с тем, что основными методами (дисциплинарными маркерами) устной истории являются технологии опроса с обращением к коллективной и индивидуальной исторической памяти свидетелей и очевидцев исторических событий с обязательным документированием и архивированием материалов. Конечным результатом является создание исторических документов и устных архивов со всей палитрой оценок и мнений по историческим явлениям, событиям и процессам, что расшатывает установки официальной истории, призванной подпитывать идеологическую базу и национальную идею государства на тот или иной текущий момент. Одновременно для развития устной истории характерен как взгляд на историю «снизу вверх» (демократическое направление, традиционное для европейской устной истории), так и взгляд «сверху вниз» на историю (элитарное направление, с которого собственно и начала оформляться устная история в США) [7]. Объединяет и то, и другое направление в устной истории «взгляд изнутри» на событие или эпоху. Именно он позволяет отражать многомерность и многофакторность исторического процесса на основе палитры оценок.

В этом отношении устную историю объединяет с краеведением и музееведением метод исследования – опрос и обращение к оценкам участников и очевидцев. Эта оценки являются своеобразными «экспонатами» в устной форме в музееведческой работе и «архивными документами» по истории населенных мест в устной форме в краеведческой работе. Но отличают устную историю и от краеведческой, и от музейной практики технологии опроса и оформление его результатов. Для устной истории непреложным правилом является документирование материалов интервью с целью создания исторического документа и формирования «устных архивов». Краеведение довольно произвольно относилось и относится к процессу получения и использования информации, что собственно и определяло настороженное отношение к нему в академической среде. И эти объективно понятные претензии к недостаткам краеведческих результатов опроса участников и очевидцев исторических событий переносятся многими историками на современном этапе на устную историю. Вместе с тем в отечественной практике был замечательный опыт применения методов устной истории как на всероссийском, так и региональном уровнях в исследовательских проектах на основе союза академических историков, краеведов, музейщиков и архивистов при заинтересованной поддержке государства и инициировании этой работы российским обществом.

В периоды обращения государства к помощи историков подъемы краеведческого движения, устноисторической работы, музейной практики совпадали. В 1920-е гг. российское государство и общество в лице М. Горького и других передовых людей инициировало опрос свидетелей и очевидцев по нескольким направлениям работы. Одно из них было связано с фиксацией исторической памяти об «уходящей деревне» и «народной культуре». Другое – с интересом к новой социалистической России, устной истории фабрик и заводов, истории пролетариата, истории революционного движения. Были

созданы и обучены группы беседчиков и стенографистов, разработана методика и формы индивидуальных и групповых интервью [10].

Подобная устноисторическая работа была организована в годы Великой Отечественной войны с выездом в прифронтовые зоны, в места боев, в госпитали [1]. В последующие годы крупных проектов по устной истории под эгидой государства не проводилось. Метод опроса для обращения к исторической памяти очевидцев и участников исторического прошлого не получил дальнейшего развития. Хотя профессиональные историки не отказались от устной истории. Спорадические всплески устной истории в академической среде проявлялись в виде научно-исследовательских проектов. Например, в институте истории Сибирского отделения РАН В. Л. Соскиным реализовывался проект по изучению истории формирования сибирской интеллигенции и культуры российской провинции в XX в. Но так же, как и в развитии краеведения, эта работа в 1960–1970-е гг. была дозирована, и так же жестко регламентировалась. Примером регламентации является судьба подвергшегося гонениям «за устную историю» В. Д. Дувакина в Московском государственном университете [2]. Связано это с тем, что устная история, так же, как и краеведение, на локальных материалах выходила на нежелательные для государства темы. В этом отношении фокусацию исследователей на локальной истории можно сравнить в социогуманитарных науках с использованием линзы или микроскопа в естественнонаучных исследованиях.

В эти же годы сформировались довольно сложные отношения академической науки и краеведения, академической науки и устной истории. Формально краеведение и устная история, особенно краеведение, находились под патронажем маститых историков, например, С. О. Шмидта. А в 1920-е гг. «для хождения в народ» за устной информацией к краеведению государством были привлечены известные профессора и академики А. М. Панкратова, М. К. Рожкова, Н. Я. Марр, М. Я. Феноменов, А. Е. Ферсман. Однако можно констатировать, что до сих пор сохраняется недоверие со стороны академической науки, как к краеведению, так и по отношению к формирующимся новым подходам и источникам в исторических исследованиях – устной и локальной истории.

В данной публикации автор пытается решить две проблемы. Во-первых, это проблема внедрения и использования устной истории как метода и источника в локальную историю и краеведение для преодоления предубеждений традиционной историографии. Преимущества устной истории – в ее признанных технологиях создания и оформления новых устных исторических источников с опорой на историческую память участников и очевидцев прошлой жизни. Поскольку большинство претензий со стороны академических исследователей как раз и относится к достоверности и объективности исследований, основанных на устной информации, общим основанием для неприятия является отрицание объективности устных источников и документов личного происхождения. Противопоставление письменных источников устным позиционируется как противопоставление «знание» – «миф».

Основанием к попытке решения обозначенной проблемы является не только авторский опыт участия со студенческой скамьи в краеведческом движении, руководство на рубеже XX–XXI столетий Алтайской краевой краеведческой ассоциации и участие с 1991 г. в ряде конференций Общества устной истории СССР/России (Киров, 1991 [5]; Калининград, 1992 [9]), но и накопленный опыт работы созданного по авторской инициативе в 1991 г. Центра (сектора) устной истории и этнографии в лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета. Экспедиционное и стационарное изучение локального пространства Алтая на протяжении всего периода велось в том числе с помощью методов устной истории [6; 8]. Выбор устной истории как метода исследований локального пространства как раз и был обусловлен научно обоснованными и технически обеспеченными технологиями получения и фиксации информации, ее документирования, архивирования, интерпретации и введения в научный оборот тех технологий, что упускались в краеведческой работе.

Результатом многолетней работы стало введение в устноисторическую практику понятия «устный исторический источник» вместо краеведческой практики предыдущего периода – понятия «бабушка сказала». Под «устным историческим источником» автор понимает исторический документ с информацией, полученной методом интервью, должным образом зафиксированной и задокументированной. Он отличается от традиционных «устных источников». Если «устные исторические источники» создаются исследователями на основе разработанных опросников в рамках научных программ по изучению коллективной/индивидуальной исторической памяти участников и очевидцев исторических событий, то «устные источники» – это мифологизированная информация, существующая в исторической памяти общества в готовой форме – в виде тех или иных жанров устного народного творчества, передающаяся из поколения в поколение. К ним относятся предания, легенды, были и другие продукты

народного творчества и фольклора. Они действительно «собираются» исследователями в информационной среде села, тогда как устные исторические источники именно «создаются» с помощью технологий мобилизации эмпирического жизненного опыта. Поэтому автор отвергает применение термина «сбор» устных источников в отношении материалов устной истории, а предпочитает термин «создание» источников на основе материалов интервью. Введение технологий устной истории по созданию исторических документов позволит легализовать устные исторические источники, предлагать их как полноправные письменным источникам документы для достижения объективности и адекватности исторических исследований.

Вторая проблема – интегрирование устной истории со многими социогуманитарными науками. Необходимо использовать огромный прикладной потенциал устной истории для развития музееведения, для создания тематических коллекций устных исторических источников в музеях разного профиля и виртуальных музейных сайтов в сети Интернет. Огромный потенциал скрывается в устной истории для обновления экспозиционной работы. Практика использования материалов аудио- и видеоопросов очевидцев широко применяется в экспозиционно-выставочной деятельности современных зарубежных музеев. Ярким примером является использование устной истории в оформлении одного из выставочных залов музея современного искусства в столице Тайваня – городе Тайпень (Республика Тайвань), который представляет собой небольшое квадратное помещение со скамейками в центре зала, расположенными так, что можно, поворачиваясь, обозреть все четыре стены. Основой экспозиции служат расположенные по центру стен четыре экрана, на которых в определенной последовательности тематически сменяют друг друга видеоинтервью людей из разных стран и с разных континентов с рассказами об их жизненном опыте переездов через границы государств, условиях въезда и выезда, практике оформления въездных и выездных документов. Этот зал был посвящен истории развития взаимоотношений народов и стран на протяжении второй половины XX столетия; формам и характеру коммуникаций, роли государства в реализации прав человека на свободное передвижение и нарушению этих прав, проявляющемуся в закрытии границ, ограничении передвижений, репрессиях и т. д.

Появились примеры интеграции устной истории и музееведения в формировании экспозиций и в российских музеях. Интересный проект с опорой на устную историю реализован Томским государственным краеведческим музеем при оформлении зала по истории крестьянских переселений и миграций в XX столетии «Сибиряки вольные и невольные». Началом работы послужил 2013 г., когда этот музей стал победителем грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», финансируемого Благотворительным фондом В. Потанина. В созданной новой экспозиции наряду с традиционными подходами через имитацию копии «столыпинского вагона» с размещением подлинных вещей, используются аудиовизуальные материалы. Кроме того, создан тематический музейный сайт «Сибиряки вольные и невольные» [3; 4]. Этот сайт стал одной из площадок устной истории в Сибири, втянувшей в воссоздание семейных историй переселений массу рядовых сибиряков, которые если не во втором и третьем, то пятом или десятом колене являются переселенцами. Данный интернет-ресурс предоставляет пользователям разнообразный материал – тексты, фотографии, аудио- и видеофайлы, включая личные истории и их обсуждение. Интерактивное экспозиционное пространство выставочного зала наполнено звуками, способствующими погружению в атмосферу выставки, а на мониторах, вставленных в окна, демонстрируется видеоряд пейзажей.

По такому же принципу можно создавать экспозиции по истории сельского тыла в годы Великой Отечественной войны. Это позволит уйти от «заточенности» музейных экспозиций на развитии и производственных показателей развития сельского хозяйства как непосредственном вкладе тыла в Великую Победу. Вклад сибирского сельского общества был опосредован системой преодоления трудностей, заместительными технологиями, адаптационными и повседневными практиками культуры жизнеобеспечения, подстраховочным значением традиционной культуры, крестьянскими умениями и навыками, благодаря которым тыл не только выжил, но и питал фронт [11]. В экспозиции рассказы «детей войны» об этом можно дополнить предметами повседневности. Авторский опыт показывает, что мало сохранилось и демонстрируется «рушалок», используемых в «раскулаченной» семейной экономике не только для изготовления муки из пригоршен зерна или «колосков», но и для измельчения трав-дикоросов, например, лебеды и крапивы для примесей в супы, каши, выпечки; или трав-суррогатов, например, рыжика и сурепки, для замены или добавления в муку при выпечке хлеба. Можно дополнить экспозицию самими травами-дикоросами, используемыми в конкретном регионе. Мало сохранилось обуви на деревянной подошве и других предметов зимнего гардероба с заменой кожаного

сырья – шкурками сусликов, «собачиной», сыромятью и т. д. – эти предметы также могут служить дополнением к экспозиции.

В заключение необходимо отметить, что приведенные примеры не охватывают все зоны взаимодействия краеведения, музееведения и устной истории. Связано это с тем, что устное информационное пространство населенных пунктов современной России, государственных, общественных, предпринимательских структур и историческая память современных социумов, этнических, локальных культурных групп являются источниками не только для исследовательской деятельности профессиональных историков, но и базой для инновационных поисков в просветительской деятельности музейщиков, архивистов, краеведов и других пропагандистов историко-культурного наследия России.

1. Курносоев А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. Организация и методика собирания // Археографический ежегодник за 1973 г. – М., 1974. – С. 118–132.

2. Научная библиотека МГУ, отдел Устной истории // Научная библиотека МГУ. – URL: http://www.nbmg.ru/nbmg/verbal_history.aspx?sector=0 (дата обращения: 15.02.2016).

3. Сибиряки вольные и невольные. – URL: <http://сибиряки.онлайн> (дата обращения: 18.02.2016).

4. Томский областной краеведческий музей. – URL: <http://tomskmuseum.ru/> (дата обращения: 17.02.2016).

5. Щеглова Т. К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. – Киров, 1991. – С. 38–44.

6. Щеглова Т. К. Исследования по этнографии и устной истории на историческом факультете БГПУ: итоги 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2005 г. / редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. – Барнаул, 2006. – С. 192–200.

7. Щеглова Т. К. Становление устной истории за рубежом: к вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы // Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С. Е. Черных : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 212–221.

8. Щеглова Т. К. Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г. / редкол.: М. А. Демин и др. – Барнаул, 2011. – С. 12–20.

9. Щеглова Т. К. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. – Калининград, 1992. – С. 17–21.

10. Щеглова Т. К. Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х годов: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия АлтГУ. – 2014. – № 4/2 (84). – С. 267–280.

11. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Науч. и методические материалы. – Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2015. – 132 с.